

ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Выходит с 1948 г.

№ 4-5 (1734-35), май 2005 г.

Бесплатно

С Днем Великой Победы!

Спасибо вам, герои века!

Торжественным заседанием, посвященным Дню Великой Победы, продолжились праздничные мероприятия в честь этой даты. В зале Дома культуры ПГУ собрались виновники торжества – участники войны и труженики тыла, те, кто награжден юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а также студенты, преподаватели, представители администрации университета.

Ректор ПГУ профессор В.В. Малагин открыл заседание, он же лично вручил каждому из ветеранов юбилейную медаль. Конечно, не все награжденные получили медаль именно в этот день. Награды вручались и на городском и районном уровнях, на заседании Ученого Совета ПГУ 27 апреля медаль получили профессора В.П. Живописцев, Р.А. Коренченко, Б.К. Матвеев, И.М. Кислицин.

Студенты подготовили к этому дню концерт, состоящий из двух отделений. Первое, условно названное «Война», было построено на поэме А. Твардовского «Василий Теркин». Второе – «Мир» – основывалось на номерах «Студенческой весны-2005».

В перерыве ветераны были приглашены на ректорский прием, на котором вновь звучали слова благодарности и поздравлений. Состоялась презентация книг «Письма любви» (составитель Н.Д. Аленчикова) и «Геологи Пермского университета – в Великой Отечественной войне» (составитель профессор В.И. Костицын).

Праздничные мероприятия продолжают. 5 мая состоялась традиционная легкоатлетическая эстафета на приз газеты «Пермский университет», в которой приняли участие более 700 человек. Победителями в общем зачете стали: ФСФ (1 место), юридический факультет (2 место), экономический факультет (3 место). 6 мая в университете – парад курсантов военной кафедры, возложение венков памяти к мемориалу павшим, «Привал» – общее гулянье на перекрестке улиц А.И. Букирева и А.Г. Генкеля, а также дружеский обед участников войны и ветеранов тыла.

Уважаемый читатель! У вас в руках – праздничный выпуск газеты «Пермский университет». В его подготовке приняли участие студенты-журналисты филологического факультета.

Преподаватели и сотрудники университета, награжденные медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Багдаев Алексей Николаевич
Баданин Виктор Михайлович
Батуева Нина Афанасьевна
Бельтюкова Ксения Николаевна
Берлина Иоганна Карловна
Богданова Зоя Григорьевна
Бояршинова Ираида Михайловна
Варской Борис Николаевич
Винтер Олег Стефанович
Воробьева Вера Павловна
Ганина Маргарита Александровна
Главатских Людмила Кирилловна
Гордеев Арсений Дмитриевич
Григорьев Владимир Сергеевич
Гуляева Антонина Яковлевна
Гусева Антонина Николаевна
Давыдова Галина Александровна
Девингаль Валентина Васильевна
Дульгерова Анна Анастасьевна
Живописцев Виктор Петрович
Зенкова Нонна Ивановна
Зубов Николай Федорович
Касаткина Фаина Николаевна
Кислицин Иван Михайлович
Коваленко Лилия Николаевна
Комлев Аркадий Михайлович
Кондакова Анна Васильевна
Коновалова Людмила Леонидовна
Коренченко Рем Александрович
Коромылова Маргарита Павловна
Краюшкина Зинаида Михайловна
Куркова Ираида Алексеевна
Левенсон Серафима Николаевна
Левина Ольга Григорьевна
Лукьянова Елена Николаевна
Матвеев Борис Константинович
Мельников Геннадий Васильевич

Мельцова Анна Васильевна
Минусова Вера Викторовна
Михайленко Елена Николаевна
Михалева Клавдия Демидовна
Мошева Ангелина Андреевна
Мягков Владимир Фаддеевич
Налимов Геннадий Иванович
Новикова Ольга Николаевна
Овеснова Александра Григорьевна
Осипенко Наталья Никитична
Павленин Виктор Семенович
Пажэ Ольга Ивановна
Попова Нина Ивановна
Пупкова Анна Сергеевна
Пушкина Зоя Михайловна
Пыстина Нинель Васильевна
Рекка Римма Александровна
Романов Виктор Александрович
Ромахина Вера Васильевна
Симонова Юлия Игнатьевна
Стерлягова Клавдия Александровна
Сунцева Александра Ивановна
Сунцева Нина Александровна
Толмачева Вера Артемьевна
Фатеева Анна Алексеевна
Федорова Валентина Андреевна
Филенко Иван Федорович
Филиных Зоя Дементьевна
Хлебутин Георгий Николаевич
Чазов Борис Алексеевич
Челпанова Людмила Дмитриевна
Черабаева Антонида Севастьяновна
Черепанова Зоя Александровна
Шайдуров Григорий Федорович
Шевцов Георгий Семенович
Яковлева Валентина Тимофеевна
Якунцов Иван Александрович

Военной кафедре ПГУ - 40 лет

В эти праздничные майские дни свой сорокалетний юбилей отмечает военная кафедра Пермского государственного университета.

Сформированная 7 мая 1965 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, приказами Министра обороны и Министра высшего и среднего специального образования СССР с целью подготовки запаса офицерского состава для Вооруженных Сил, военная кафедра вобрала в себя традиции военной подготовки в университете в 30-е годы и послевоенный период.

В течение 40 лет преподавательский состав кафедры постоянно работает над поиском и внедрением наиболее эффективных форм и методов обучения и воспитания студентов – будущих офицеров, над повышением уровня их теоретических знаний и практических навыков в управлении воинскими подразделениями в боевых условиях и повседневной деятельности с учетом современных требований военной науки, опыта боевых действий, над изучением новых средств и способов вооруженной борьбы.

За это время военная кафедра подготовила свыше 8 тыс. офицеров запаса, многие из которых проходили или проходят службу в Вооруженных Силах на различных воинских должностях. Выпускники

кафедры выполняли боевые задачи, многие награждены правительственными наградами.

Большую помощь в становлении и развитии военной кафедры оказали ректоры университета Ф.С. Горовой, В.П. Живописцев, В.В. Маланин, деканы факультетов, общественные организации.

В разные годы военную кафедру возглавляли полковники Д.М. Постников, М.Н. Мальцуков, П.Ф. Малишевский.

Кафедра гордится своими ветеранами. Это полковники Н.Ф. Зубов, А.Н. Богдаев, И.Р. Фрадин, П.П. Кушнарев, А.С. Терещенко, В.Б. Карасюк, А.Б. Некрасов, В.В. Манзюк, подполковники В.С. Павленко, П.Е. Ищенко, В.В. Русских, А.И. Детковский, В.Л. Марчук, В.И. Гаврилец, Е.Б. Махлин, В.Ф. Овдиенко, М.В. Мухин, А.Ф. Бородкин и многими другими.

В настоящее время задачи учебного процесса, воспитатель-

ной и военно-патриотической работы в университете решают офицеры-преподаватели подполковники С.Н. Колпаков, В.Г. Тартачный, О.Н. Голдобин, М.В. Анянин, К.А. Онуфриев, С.Е. Зацепин, майоры Ю.Н. Модин, О.Н. Фомичев, А.П. Ежков. Это высококвалифицированные офицеры, имеющие богатый опыт военной службы, боевой опыт.

В обеспечении занятий много сил и энергии вносят вспомо-

гательный состав, ветераны кафедры В.К. Фёфелова, И.В. Фёфелова, В.Ф. Федотов, Л.В. Воробьев, старший лаборант Е.Ю. Польшина.

В нынешних условиях военная кафедра продолжает выполнять поставленные ей задачи по подготовке офицеров запаса.

Студенты проходят обучение по военным специальностям, необходимым в Вооруженных Силах:

– командир мотострелкового взвода;

– помощник командира по правовой работе.

Эти задачи выполняются с честью.

П.Л. ПУЗИКОВ,
начальник военной
кафедры, полковник

В эти юбилейные дни 60-летия Великой Победы, отмечая 40-летие военной кафедры ПГУ, поздравляем всех ветеранов войны и труда, профессорско-преподавательский, вспомогательный состав, выпускников военной кафедры, студентов, обучающихся на военной кафедре. Желаем добра, благополучия и успехов на благо нашей любимой Родины.

Геологи Пермского университета в Великой Отечественной войне

Вышла в свет книга «Геологи Пермского университета в Великой Отечественной войне», составитель – зав. кафедрой геофизики профессор Владимир Ильич Костицын. В книге приведены сведения об участниках фронта и тружениках тыла – студентах, преподавателях, преподавателях и сотрудниках геологического факультета Пермского государственного университета.

Книга состоит из четырех частей. В первой части приведены сведения о студентах и преподавателях геологического факультета ПГУ, павших в боях за Родину. Выпускников и студентов – геологов погибло 15 человек (Пермского университета – 45 человек), многие из них посмертно награждены орденами и медалями, а Григорию Федоровичу Ожмегову присвоено звание Героя Советского Союза.

Вторая часть посвящена участникам боевых действий, прошедшим всю войну и внесшим значительный вклад в Победу. Им посчастливилось вернуться с войны живыми, а затем еще многое сделать в сфере подготовки специалистов геологов, геофизиков, гидрогеологов и геохимиков, но в живых среди них к 60-летию Победы, к сожалению, остались только профессора А.К. Урупов, Б.К. Матвеев.

Профессор А.К. Урупов участвовал в боевых действиях с 1941 по 1945 гг. В настоящее время работает в Российском университете нефти и газа (г. Москва) в должности профессора кафедры разведочной геофизики и поддерживает тесные творческие связи с кафедрой геофизики ПГУ.

Б.К. Матвеев трудится на кафедре геофизики ПГУ. Тогда в 1943 г. он, прибавив один год к своим 16 годам, был призван в армию и с того времени до конца войны сначала учился, а затем сам обучал курсантов в должности командира учебного отделения противотанковых орудий запасных частей, готовя резервы для фронта.

В третьей части книги приведены сведения о ветеранах труда, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Из оставшихся в живых в настоящее время это В.В. Девингаль, В.П. Золотова, которые находятся на заслуженном отдыхе, и профессор В.Ф. Мяков, который продолжает работу на кафедре инженерной геологии и охраны недр.

В четвертой части отражена деятельность преподавателей и сотрудников геологического факультета ПГУ, начавших трудовую деятельность в годы Великой Отечественной войны в несовершеннолетнем возрасте. Они тоже остро ощутили в свои детские годы все тяжести войны. Они не были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», но ее заслужили. Из их числа профессор В.Н. Дублянский, А.М. Кропачев, Б.С. Лунев и доцент С.И. Лапин до сих пор работают преподавателями на геологическом факультете, а Н.И. Дергачев, Л.М. Ощепко-Хохрякова, З.А. Созыкина – на заслуженном отдыхе.

«Письма любви»

Вышла в свет книга «Письма любви. Фронтальные письма Александра Ильича Букирева», изданная университетом, а составлена историком-архивистом, краеведом Натальей Дмитриевной Аленчиковой.

Эта книга – знак глубокого уважения нашего университета памяти ректора предвоенных и послевоенных лет Александра Ильича Букирева, добровольцем ушедшего на фронт. Письма адресованы его жене, Александре Прокопьевне Гладковой, и носят личный характер, однако в каждом из них – вопрос, как там, в университете, как коллеги, что слышно о друзьях, ушедших на фронт?

Письма А.И. Букирева позволяют заглянуть глубже в душу этого замечательного человека, в котором очень органично совместились: редкая самоотверженность и мужество, проявленные

на фронте и высоко оцененные Родиной – с одной стороны, и, с другой стороны, чуткое, нежное, граничащее с сентиментальностью, отношение к природе, к услышанной на фронте музыке, к тому прекрасному, с чем ему удалось соприкоснуться в редкие часы фронтового досуга.

Жизненное кредо А.И. Букирева в этот период сформулировано в одном из писем: «Пусть будет что будет лично со мной, но я удостоился чести быть участником Великой Отечественной войны и этим горжусь. Личная судьба каждого из нас имеет ограниченное значение, она затрагивает узкий круг лиц. Важен окончательный результат, а он будет один – наша победа, другого результата быть не может»

Книга содержит вступительную статью Н.Д. Аленчиковой, 64 письма А.И. Букирева и послесловие директора музея ПГУ А.И. Стабровского.

«Победители потомкам», «Антология военной поэзии Прикамья»

Пермским областным Советом ветеранов изданы две книги «Победители потомкам» и «Антология военной поэзии Прикамья», составителем которых является Иван Александрович Якунцов, участник Великой Отечественной войны, доцент Пермского университета.

В основу книги «Победители потомкам» положены воспоминания участников Великой Отечественной войны, «Антология военной поэзии Прикамья» вобрала в себя лучшие произведения поэтов Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа.

«Поэты Прикамья, движимые благородными побуждениями, продолжают рассказывать новым поколениям о войне самое важное, самое сокровенное, чтобы жили они с памятью – надежной духовной опорой на пути возрождения, спасения страны-победительницы, продолжения великих дел своих дедов и прадедов.

Живите и помните, за что полегли родичи ваши и погодки, помните, какой смертельной ценой оплачены обычные, порой серые, тусклые, но все равно такие неповторимые мирные дни!» - написано в предисловии к «Антологии»...

Что тут добавишь...

Жизнь дается один раз...

60 лет назад в аллеях Перми росли не цветы и зеленели не газоны. После войны был голод, и земля была засажена... картофелем. Тяжелое было время. Сейчас нам трудно это представить, когда в магазинах есть все, что угодно. А тогда в булочную занимали очередь с вечера...

Георгий Семенович Шевцов хорошо помнит послевоенное время. Помнит войну. Еще до нашей встречи он казался мне интересным собеседником: воевал и выжил, жил совсем в другую эпоху и много лет своей жизни посвятил нашему Пермскому государственному университету. Мы должны больше знать о таких людях.

Георгий Семенович – доцент кафедры высшей математики ПГУ – в 2000 г. вышел на пенсию. Но ему очень не хватает университетских будней. На заслуженном отдыхе необходимо еще привыкнуть к тому, что ничего не надо делать. Для Георгия Семеновича это настоящая проблема – сидеть без работы. Можно только позабавиться трудоспособности людей старшего поколения. Сейчас Георгий Семенович пишет пособие по математике, и работа приносит ему настоящее удовольствие.

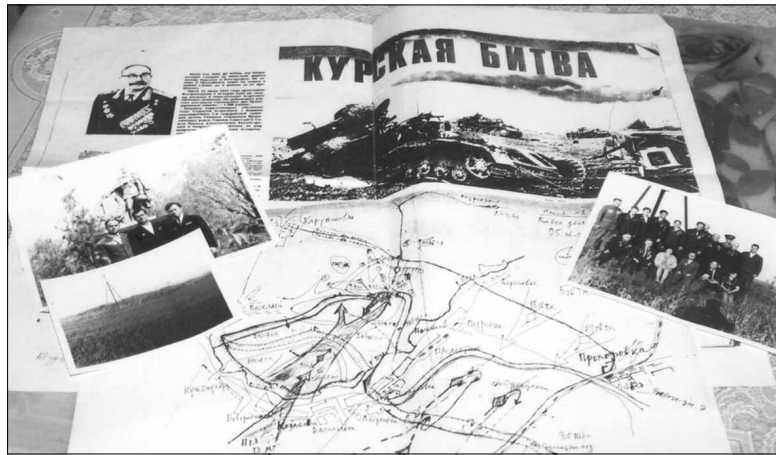
Приближается 9 Мая, все будут поздравлять победителей. Раньше Георгий Семенович всегда ходил на парады, посвященные Дню Победы. Оказывается, в 1947 году праздник был отменен, так как по просьбам трудящихся ввели два новых праздника: Новый год и 8 Марта. День Победы снова начали праздновать только когда исполнилось 25 лет. «Тогда было много живых, – рассказывает мой собеседник, – сейчас уже встречаться не с кем. Да и на парад ходить – здоровья нет».

О войне Георгию Семеновичу до сих пор тяжело говорить. Видимо, боевые раны на сердце до конца никогда не заживают. Он был дважды ранен. В бою под деревней Прохоровкой его с товарищем в пулеметной ячейке замаял танк. То есть сравнял с землей. Но 17-летний Шевцов остался жив.

– Что чувствуешь, когда на тебя идет танк?

– Во-первых, не успеешь почувствовать (смеется Георгий Семенович). Как ни странно, он смеется, когда говорит о самом страшном, тяжелом, с трудом пережитом). Это происходит настолько быстро. А во-вторых, в бою человек превращается в какой-то... автомат, который думает только об одном: стрелять, стрелять, стрелять. Больше, мне кажется, никаких чувств нет. Но у меня, например, был один особый страх: я боялся, не дай бог, попасть в плен.

Были случаи, когда в бою взрослые дяди кричали «мама!», и бога вспоминали, и крестились. У меня лично было единственное желание: прижаться к земле и хоть лопату перед собой поставить, чтобы прикрыться. Потому что из пулеметов так стреляют, что рожь в поле косится. А чуть только дашь очередь, одну-другую, как над тобой моментально появляется перекресток траассирующих пуль. Они указывают, куда надо стрелять из миномета. И тогда начинается обстрел. Прежде всего, надо пулеметчиков уничтожить (бывший пулеметчик снова смеется). Когда случались небольшие перемены, мы старались забить как можно больше лент для пулемета. Делать это было очень сложно. Ленты из брезента, и если чуть-чуть намочили, патроны плохо ложилась, что могло давать во вре-

мя стрельбы перекус. А в бою это уже смерть.

– Что заставляет солдата идти в атаку, наперекор инстинкту самосохранения?

– Я приведу такой пример. Как-то мы задали вопрос солдату, который для нас казался старым-престарым (ему было около 50 лет): «Ну, вот как ты? Сейчас говорят «За Родину! За Сталина!». Он подумал-подумал и, знаете, как русский христианин, умный, мудрый человек, тихонечко сказал: «Раньше было так: шли в атаку за бога, за царя, за отечество. За бога (загибал пальцы солдат) – бог с ним, за царя – (он тут выругался), а за отечество, ребята, – деваться некуда». Вот философия простого солдата.

Георгий Семенович рассказал такой случай. В сентябре 41-го, когда в Кунгурском лесотехникуме, куда он поступил учиться после окончания семилетки, начался 3 семестр. Студенты пришли после практики в техникум. Однажды раздался непрерывный, пронзительный звонок. По коридорам бежали дежурные, каждый открывал двери: «Всем на митинг!» Студенты спустились в актовый зал. Столы там успели покрыть красными суконными одеялами. Оказалось, пришли из райкома партии, из комсомола и один, офицер, из военкомата. Из райкома партии поднялся и сказал: «Товарищи студенты, известно, что началась война. Есть предложение подходить к столу и записываться добровольцем». Митинг начался где-то в 10-11 часов. Поезд провожали уже в 5-ом часу вечера... За несколько часов всех собрали и отправили на фронт.

– Без всяких училищ! Раз – и под Москву! Москва ведь горит. Уже через две недели начали поступать «похоронки». Некоторые возвращались ранеными. А кто там остался, тех и сейчас разыскивают. Из 175 человек нашего потока техникум закончили 21. Мне тогда исполнилось только 16 лет, поэтому на фронт не взяли.

Техникум Георгий Семенович закончил с отличием. И, семнадцатилетний, добровольцем ушел на фронт. Не окончив Пермское пулеметно-минометное училище, попал на Курскую дугу.

Мы склонились над разложенной на столе Георгием Семеновичем картой из Прохоровского музея. Вот она – знаменитая деревня Прохоровка на Курской дуге. Здесь произошло грандиозное танковое сражение. Удивительно, с какой поразительной точностью помнит Георгий Семенович мельчайшие детали: даты, время, названия, фамилии. А

много ли осталось в наших головах после школьного курса истории? Наверно, люди, прошедшие войну, всегда интересуются деталями военных действий и событиями тех памятных мест.

Георгий Семенович служил в прославленной 95-ой четырехжды (!) орденоносной дивизии 5-й гвардейской армии, каждый полк в которой был именной. «Для меня дивизия оказалась знаменитой», – признается мой собеседник. Мне особенно хотелось расспросить Георгия Семеновича о Курской дуге, об известнейшем сражении под деревней Прохоровка:

– Я пулеметчик и был совсем рядом с танковым сражением (мой собеседник показывает на карте маневры, которые совершила «Мертвая голова» – немецкая танковая дивизия). Танки проходили через пятую гвардейскую танковую армию Жадова. Это я сейчас знаю, а тогда ведь я был солдатом и ничего не знал. Я находился вот здесь... (карандаш указал на точку с цифрами). В районе высоты 226. Через нас прошли танки, так что я тоже считаю себя участником этого знаменитого танкового сражения.

Участок, на котором немцы собирались осуществить прорыв, был не больше четырех километров. Через него, говорят, шло около 400 танков. Чтобы проложить «Мертвой голове» дорогу, нас начали бомбить в 8:30 утра и бомбили до 13:30. Эти подробности я узнал, конечно, намного позже. Тогда мне показалось, что нас бомбили не меньше 1000 самолетов, потому что земля так колыхалась, что осыпались окопы. Как оказалось, нас тогда бомбили всего 130 самолетов. Просто у немцев близко находились аэродромы. Первая очередь самолетов не успевала еще отбомбиться, как вторая выстраивалась в хвост. И непрерывно бомбили, бомбили, бомбили.

А вот что я узнал из немецких источников. Манштейн (как раз он командовал этой операцией) писал, что в южной части Курской дуги при планировании фронта исходили из следующих расчетов: в месте прорыва фронта должно быть не меньше 100 танков на каждый километр; каждый танк должен был поддерживаться не менее, чем 300 солдат и офицеров, не менее шести стволов тяжелой артиллерии (это шесть пушек, а каждая пушка уж два-то раза в минуту выстрелит). И что на меня произвело наиболее сильное впечатление: каждый танк поддерживается с воздуха не менее 1,1 самолета. Значит, на 100 танков приходилось

110 самолетов. Вот и получается ад кромешный.

Помню как сейчас. Бой начался в 8:30. А у нас из пулемета вылипла вода, и мне пришлось с высоты бежать в ложок, там был ручей. Побежал с канистрой, набрал воды, повернулся в сторону боя, чтобы бежать обратно... и мне как-то неприятно стало, я даже немного напугался. До боя там было ржаное поле, стояла высокая рожь. И вдруг поле оказалось паханым. Все было в дыму, земля изрыта воронками, будто поле вспахали. И солнце светилось как во время затмения: непонятным оранжевым, еле-еле пробиваясь сквозь дым, гарь и пыль. Такая картина была уже к 11 часам. А бой продолжался до позднего вечера...

А насчет победы... К тому времени, к 43-му, уже была какая-то уверенность, что мы все равно победим. Уверенность была, начиная с 41-го...

Георгий Семенович участвовал в боях за Киев. Для освобождения города он добровольцем вызвался форсировать Днепр. Форсировали южнее Киева.

– Вы смотрели кинофильм «Батальоны просят огня»? – спрашивает Георгий Семенович. – Фильм про то, как под Киевом послали в бой батальоны. Солдаты все просят и просят огня, а про них вроде как и забыли. Оказывается, это были не несколько батальонов (в батальоне около 800 человек), а сводная группа (20 000 (!) человек). Нам было дано задание: форсировать Днепр и освободить Киев. А про нас вроде бы и забыли. Оказывается, мы наносили отвлекающий удар. В это время севернее Киева (мы были южнее) 2 ноября 1943 года начался прорыв советской армии и наступление на Киев. И только благодаря тому, что пожертвовали нами, мы освободили Киев на третьи сутки после начала прорыва. Об этом я узнал спустя 30 лет в одной из книг о войне.

– Что Вы почувствовали, когда узнали, что вами пожертвовали ради победы? Вы считаете, что это был хороший план?

– Это был гениальный план! У Ватутина была самая гениальная операция! Ватутин – командующий 1-м Украинским фронтом – не согласился, во-первых, с тем, что прорыв надо делать южнее Киева. Южнее пытались прорваться, но ничего не получилось. Во-вторых, другие командующие хотели прорывать участок в 300-350 км. Но Ватутин настоял на участке в 7 км, на которые приходилось около 350 наших орудий...

Георгий Семенович следит за событиями в стране и в мире, слушает новости. Его очень возмущают «цветные» революции.

– Вы за Юценко или за Януковича?

– Я за Украину. И мне кажется, что те, кто сейчас пришел там к власти – самые неприятные люди.

Георгию Семеновичу тяжело смотреть фильмы, посвященные военным событиям. Из старых фильмов о войне самый любимый – «Горячий снег». Из современных понравился «Штрафбат»:

– Рядом с нами на «куршине» была штрафроты. У них и у нас было где-то по 900 человек. После боя у нас осталось 40 человек, у штрафников – 17 человек. Эти 17 кровью смыли свою вину...

Война шокирует. К счастью, помимо страшной войны наша память хранит воспоминания о мирном времени, молодости, которые тоже очень интересны. Интерес в сравнении: а как мы живем сегодня? Мне все время кажется, что люди, которые прожили долгую, порой, тяже-

лую жизнь, знают об этом мире больше, ведь за плечами такой опыт. Но на вопрос «Вы знаете жизнь?» Георгий Семенович ответил: «Некогда было следить за жизнью, я следил за работой».

– А как раньше развлекалась молодежь?

– В школах были вечера, в техникуме проходили балы, в городе все ходило в парк Горького на танцплощадку. Танцевали на воздухе, а не в тесных прокуренных дискотечных подвалах, как сегодня.

– Георгий Семенович, а в нашем университете произошли сильные изменения?

– Сейчас наш вуз вырос настолько, что стал плохо управляемым. Потому что нельзя за всем уследить. Например, раньше в одном общежитии с нами жили и ректор, и деканы, и заведующие кафедрами. Они хорошо знали нас. Бывало, в Новый год ректор начал обходить комнаты студентов с поздравлениями... Под вечер в свою комнату его уже заносили.

Георгий Семенович – требовательный педагог и воспитатель. Хороший преподаватель, по его мнению, должен разбираться в своем предмете. Ребята должны чувствовать, что человек сам знает то, о чем говорит. Только тогда можно требовать что-то от студентов.

Для преподавателя Шевцова все студенты всегда были равны: были ли это дети другого преподавателя, или собственные дети и внуки Георгия Семеновича, которые учились в ПГУ на экономическом факультете (кибернетика) и мехмате. Никто никогда не подходил к Шевцову просить за своих детей, знали: лучше не связываться.

– Если студент ленится, то это очень плохо. Я могу об этом прямо сказать. Многие исправлялись. Я так думаю: если уж решил учиться, то надо это делать добросовестно. Зато сейчас мои студенты живут и в Израиле, и в Норвегии, и в Америке.

– А пенсии хватает? Вы не обижены на государство?

– Пенсия сейчас лучше, чем в те времена. С монетизацией лично я даже выиграл. Но что раньше, что сейчас – не все живут одинаково. В то время, когда в магазинах ничего не было, для Обкома партии поставлялось той же колбасы 400 кг (!)... каждый день. А в «Доме советов» (ныне Пермское законодательное собрание) были две столовые: одна для тех, кто работал на верхних этажах (Обком партии), другая – для работающих внизу. Работников с нижних этажей просто не пускали в «высокую» столовую.

Изменились ли люди? Да. Стали жестче. А раньше все делалось «за так», по-соседски. Но Шевцову всегда везло и по сей день везет на хороших людей.

– Как Вы думаете, способна ли современная молодежь оценить и понять те военные события?

– Молодые не могут представить того времени, все то, что мы пережили. И это нормально: молодые должны успевать веселиться – жизнь дается один раз, и надо все успеть.

Беседа с Георгием Семеновичем Шевцовым, я поняла, что он прав – «молодые не могут представить того времени». Да, мне трудно представить, что чувствовали люди, пережившие эту страшную войну. Я не могу почувствовать этого, но могу (и должна!), по крайней мере, не забывать. Потому что я точно знаю, что не хочу, чтобы в аллеях нашего города вместо цветов выращивали картофель.

Мария РУСАК,
филфак, 3 к.

Мы помним вас!

Мы помним вас, герои века!
Мы поименно знаем вас,
Кто гордым званием человека
Не поступился ни на час.
Россия наша – всех времен –
Была героями богата.
Бессмертный перечень имен
Звучит торжественно и свято.
О них мы ныне знаем много,
И множество прекрасных книг
Написано прекрасным слогом –
И все о них, и все о них.
О вы, защитники народа!
В земле, быть может, рядом спят
Солдат Двенадцатого года
И Сорок первого солдат.
Мы помним вас, герои века,
Герои мира и войны,
Чья жизнь – страница или веха
В огромной жизни всей страны.
Мы ищем вас, герои века,
Повсюду ищем тех из вас,
Кто честным званием человека
Не поступился б ни на час.
Кто гати стелет на болотах,
Кто спит зимою у костров,
Кто словом поднимает роты,
В бою надежен и суров.
Кто за собою в нужный час
Ведет, как песня или знамя...
Они, неузнанные нами,
Живут и ходят среди нас.

Валентина ТЕЛЕГИНА

В памяти навечно

Александр Степанович Уточкин проработал в Пермском государственном университете почти сорок лет – с 1957 по 1992 г., буквально до последнего дня своей жизни, которую он посвятил одной из самых гуманных и жизнеутверждающих наук – биологии. И возможно, решающую роль в выборе им жизненного пути сыграла война. Побывав на волоске от смерти, чудом выжив в самых страшных и кровопролитных боях, этот молодой тогда солдат со всей глубиной и силой почувствовал жажду жить и осознал ценность каждого мгновения жизни на земле.

В 1942 г. Александру Степановичу исполнилось восемнадцать лет. Возраст нынешнего студента-второкурсника. Но в то трагическое время он и его сверстники были мобилизованы на фронт, после краткой подготовки – в действующую армию. В первый же месяц пребывания на войне рядовой пехоты Уточкин получает ранение осколком разорвавшейся гранаты. После госпитализации в 1943 г. он попадает на один из самых страшных и геро-

ических участков войны – Курскую дугу, под печально известную деревню Прохоровку, где произошло самое крупное в Великой Отечественной войне танковое сражение. До конца жизни он не мог хладнокровно вспоминать о тех событиях и понять, как ему удалось тогда выжить. Шквал огня был таким, что от дыма и гари днем было темно, как ночью. Навсегда врезалась в память вода в реке Жиздра – красная от крови русских солдат. В том бою он получил второе, самое тяжелое из трех ранений на фронте.

Ошибки в руководстве войной, стремление командования подавить железные полчища немецких танков численностью живой силы русской пехоты – все это он понял позднее. А тогда, в 19 лет, им, как и тысячами русских солдат, владело одно желание: преодолевая страх смерти, не дать врагу прорваться вглубь России, туда, где в маленькой волжской деревушке осталась мать. Ни о каком героизме тогда совершенно не думали. Просто стояли до конца каждый на своей пяди русской земли.

Александр Степанович говорил о войне исключительно редко. Как многим представителям его поколения, ему была свойственна поразительная скромность. Но война осталась с ним на всю жизнь – в виде нескольких осколков в теле, с возрастом напоминающих о себе резкими болями. И еще одно качество, сыгравшее огромную роль в победе, отличает

людей этого поколения – чувство долга. В мирное время оно определяло их отношение к работе, науке. А.С. Уточкин почти двадцать лет заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных, создав целое научное направление. Он являлся членом Международного энтомологического общества, бессменным редактором межвузовского сборника научных трудов. На рабочем столе Александра Степановича после его ухо-

да из жизни остались недописанные листы редактируемого им научного сборника.

В 2004 г. Александру Степановичу Уточкину исполнилось бы 80 лет. Он прожил свою трудную жизнь, до конца выполнив долг солдата и ученого.

Н.А. ПОЛЯКОВА,
преподаватель
лицея № 2 при ПГУ.

Страшная цена Великой Победы

1941 г. 22 июня. Пробуждение было ужасным: вой бомб, разрывы, стоны раненых... В 4 утра немцы нанесли удар по немецкой колонии Люстдорф в 25 км от Одессы. Там находился пионерлагерь, в который я впервые попал как отлично окончивший 3 класса. Здесь же, в 100 м за забором, располагались прикрывающие город с моря зенитные батареи. По ним, не без наводки колонистов, и ударили бомбардировщики. Так для меня, задолго до выступления Молотова и речи Сталина, началась Великая Отечественная... Днем за нами приехали первые родители и через пару часов лагерь опустел.

У нас была большая семья (12 человек). Муж моей тетки – прокурор города, комсомолец ленинского призыва, сразу ушел на фронт. «Не горюйте, – заверил он нас. – Несколько месяцев – и мы встретимся...» Резкий диссонанс – проводы друга нашей семьи, директора Дома ученых. Это человек большой эрудиции и военного опыта, прошедший финскую и польскую кампании. Он осторожно дал понять, что война – не на один год, что немцы, возможно, дойдут до Волги, и что нам, семье русских интеллигентов (мои деды были высшими офицерами царской армии, а тетка – депутатом горсовета), нельзя оставаться в оккупации...

В Одессе нас осталось девять человек: шесть женщин, двое детей и мой отец, инженер-судостроитель, имевший бронь. Первый месяц войны прошел спокойно: ни одного налета. И даже грустные сводки информбюро не огорчали: «любимый город может спать спокойно», как пелось в популярной тогда песне...

Началась эвакуация. У отца было много друзей в порту, и он устроил двух женщин и моего пятилетнего брата на небольшой теплоход «Пестель». Их высадили в Мариуполе, затем перевез-

ли в Сталинград. Здесь они в 1942 г. погибли под бомбежкой... Четыре женщины, взяв с собой лишь легкие сумки, ушли из города пешком. Затем был переезд через всю страну до Алма-Аты. В 1942 г. трое из них умерли с голоду, а тетка переехала в г. Красноярск, где работала труппа Одесского и Днепропетровского оперных театров.

Вечером 22 июля на Одессу был совершен первый серьезный налет. Центр не бомбили (немцы давно пообещали румынам город «в подарок», как центр будущей Транснистрии...). Досталось районам, где были дома отдыха, превращенные в госпитали. Наш дом с разных сторон накрыли четыре пятисотки. Он устоял, но меня засыпало обломками на лестнице в подвале, где мы прятались...

Следующий месяц был значительно более серьезным. Вокруг города сомкнулось кольцо осады, он лишился основных источников водоснабжения и Днестра и Буга. В августе, кроме продуктовых карточек нам выдали карточки на воду, которую брали из-под города, из засоленного понтического горизонта. За водой приходилось стоять по несколько часов у городских фонтанов. Однажды я вернулся с пробитыми ведрами – нашу очередь расстрелял из пулеметов вражеский истребитель... Затем румыны вышли на северный берег Одесского залива и начались артиллерийские обстрелы, от которых мы могли укрываться в катакомбах под городом... Как все радовались, когда на Жеваховой горе был высажен десант и моряки провезли по городу гаубицу с надписью: «Стреляла по Одессе. Больше не будет...»

Но положение продолжало ухудшаться. Город начал готовиться к вражескому штурму, на улицах возводили баррикады. На разборку мостовых, сложенных из гранитных плит Побужья и бло-

ков лавы Везувия, которые привозили парусные корабли, как балласт по разнарядке поднимали население. А мы, дети, засыпали песком, привезенным с пляжей, огромные мешки. Норма – 20 мешков на человека...

Отец отказался от брони и был вывезен в Керчь для переобучения на артиллериста. Меня с матерью он поручил своему другу, и тот устроил нас со скромным скарбом на огромный сухогруз «Курск». Из Одессы уходили в утреннем тумане, прорываемом сполохами орудий крейсера «Коминтерн» – иначе из порта не выйти.

Двигались мы медленно: «Курск» буксировал в Севастополь плавучий док, груженный паровозами, уже бесполезными в Одессе, но нужными в Крыму... Почти непрерывно нас атаковали самолеты. Команда отбивалась из нескольких зениток, установленных на баке и на кормовой надстройке. Под Севастополем караван атаквала подводная лодка. Прямо на нас с матерью, стоящих у правого борта, идет торпеда... Вдруг из-за кормы вырывается сторожевик и подставляет себя под удар... Нас окатывает смерч соленой воды. Спасенных нет...

Заведя док в Севастополь, «Курск» быстро прибыл в Новороссийск. На борт поднялся грузчик. «Дяденька, у вас тут не бомбят?» – спросил я. «Не волнуйся, сынок, у нас тихо», – ответил он. Мы сошли на пирс, и через несколько минут завывли сирены... Это был один самых страшных налетов, пережитых мною. Свист бомб, разрывы, щелканье зениток, падающие горячие осколки, которые мать палочкой сбрасывает с вещей... И негде, совершенно негде укрыться...

На следующее утро нас погрузили в эшелон и увезли за Краснодар. Учебный год моя мать, математик высшей школы, начала в неполной средней школе

с.Еленовка. Приходилось привыкать к сельскому быту, к четырем человекам в классе, и, самое страшное, к заиканию: после контузии в Одессе и бомбежки в Новороссийске я практически потерял речь. Врач в станице Усть-Лабинская «обнадежил» мать: «Ни говорить, ни жить он не будет...» Я слышал это из-за дверей и подумал: «Нет уж, буду!» Последующие несколько лет для меня были годами непрерывной борьбы с этим диагнозом.

Немцы взяли Таганрог и возникла угроза Закавказью. Началась мобилизация на рытье окопов и сушку зерна в элеваторах. Нам, «выкуренным», как называли нас местные жители, был один путь – уезжать. Мать заболела, и в военкомат я ходил сам. Военком предложил нам «литер» (право на проезд) в Азербайджан, в Нуху и Кировобад. Моих литературно-географических знаний хватало, чтобы выбрать город, где похоронен Шамиль...

И вот мы опять в эшелоне. Пересадка в Армавире (где у меня на вокзале украли все наши документы...), в Махачкале (где мать свалилась с температурой под 40°), в Баку (где опять попали под первую бомбежку), в Евлахе. За нами присылают две полуторки, и мы едем в ночь... Утром перед нами поднимаются горы. Казалось бы, выше некуда, но вот новый поворот – и горизонт венчают снежные хребты...

1942 г. Новый год встречаем в школе зерносовхоза им. Орджоникидзе. Первая радость – разгром немцев под Москвой. Письмо и денежный аттестат от отца – воюет в Севастополе... Ведем «сельскую жизнь» – работаем на току, спасаем урожай (собираем «клопа-черепашку», которого в это лето было особенно много...), затем помогаем убирать его. Последние письма отца. В конце года – переезд в Нуху.

1943 г. В мае мать внезапно скончалась от общего туберкулеза. В военкомате получаю литер на проезд Нуха-Баку-Красноводск-Ташкент-Новосибирск-Красноярск и «рабочую карточку» на 500 г. хлеба на месяц. Продаю ценные вещи (самое «ценное» – 6 ложек-фроже...) и в путь. Через 1,5 месяца я добрался до тетки в Красноярске... Она была все время в разъездах, три раза выезжала на фронт в составе концертных бригад. Днем – дежурства в госпитале, учеба на курсах при военкомате: знакомство со стрелковым оружием, с минным делом, с уставами. Надо готовиться, может, и нам еще придется воевать... Но, чтобы выжить, – надо работать. И женсовет театра устроил меня осветителем (по возрасту без оформления) за хлебную карточку...

1944 г. Освобождена Одесса. Театральный эшелон два месяца тянется по стране. Вот и разоренная Украина. Опять ночью – затемнение, дежурства, бесконечные стоянки на полустанках, пропуск военных эшелонов. Наконец – Одесса! И последняя бомбежка, во время которой сильно пострадал оперный театр и центр города... Поступаю в школу, в 6-й класс. Основная проблема – заикание и... украинский язык, от которого я отвык в эвакуации. Обязательные выезды в село на уборку урожая.

1945 г. День Победы в Одессе – акация в цвету, объятия на улицах, стрельба в воздух из всех видов оружия. Цена победы для нашей семьи – десять жизней...

В.Н. ДУБЛЯНСКИЙ,
профессор кафедры
инженерной геологии и
охраны недр

Война. И ничего в защиту...

Летом 41-го Рита перешла в 9 класс. Жизнь девочки, в общем-то, текла вполне обычно – юные 16 лет, дружный класс, любящие и заботливые родители...

И именно отец тогда – в летний воскресный день, когда прозвучало по радио сообщение о начале войны между Советским Союзом и фашистской Германией – сказал: «Все, доч. Вот увидишь – жизнь теперь будет совсем другая».

Вот так началась война для пермячки Маргариты Александровны Ганиной, которая теперь носит почетное звание «труженик тыла» и уважительно именуется «ветераном войны».

«Война не стала для меня тогда полной неожиданностью. Дело шло к этому, и мы все ждали, что вот-вот – и начнется...»

Предчувствие войны висело в воздухе. Когда Рита вновь села за парту, ее девятый класс 17-й школы было не узнать. Многие одноклассники Риты еще после 7-го ушли в техникумы – с восьмого класса в школе ввели плату за обучение. В классе осталось всего несколько человек из старого состава; остальные были эвакуированными из Москвы и Ленинграда. Соответственно, обстановка в новом коллективе была достаточно унылая: новеньким хотелось вернуться на родину, Пермь была для них своего рода пленом, а сроки разлуки с родными местами точно определить не мог тогда никто...

В семью девочки война пришла даже раньше, чем в большинство других семей: ее старший – и единственный – брат ушел на флот еще в 38-м и находился на службе государства восемь лет.

«Мы с подружкой, которая осталась у меня еще со школы, несчастно возвращаемся к тем годам, редко вспоминаем быт – напряжение было колоссальное. Все люди тогда пережили примерно одно и то же – прежде всего, это общее желание помочь чем бы то ни было тем, кто там, на фронте, сделать для них что-то полезное».

Именно поэтому еще в августе 41-го Маргарита вступила в органи-

зованный райкомом комсомола строительный отряд, который усилиями добровольцев прокладывал железнодорожную ветку к военному заводу в районе Бахаревки.

Весь сорок второй год также прошел для школьников под знаком труда: девушки дежурили в госпиталях, разгружали раненых, помогали ухаживать за больными в интернате для детей блокадников, работали на тетрадной фабрике... и все это – в свободное от учебы время. Никто не ленился – возможно, было просто некогда делать это, ведь все были старожанками – долг перед Родиной вдохновлял каждого на личные подвиги. Но этого казалось мало.

«Не было ли соблазна в такие тяжелые для страны годы окантоваться поближе к фронту, там, где люди и их помощь нужнее?.. а как же без этого! Будучи еще школьницей, я узнала о том, что наша комсомольская организация занимается отбором желающих попасть в самое пекло».

Туда-то и пошла первым делом Рита с подружкой. Полные энтузиазма и деятельной энергии первокурсницы, однако же, на фронт не попали – с ними довольно убедительно поговорили в комсомоле, сказав, что учиться тоже важно, а может

быть – и гораздо важнее для них и для Родины, которая должна выстоять, подняться после войны.

Сказано – сделано! После девятого класса, перескочив выпускной десятый и успешно сдав экзамены, Рита Лаптева поступила в Пермский (тогда Молотовский) государственный университет. Логика выпускников военного времени была очевидна – стране нужны квалифицированные кадры, а потому все, кто в состоянии учиться, должны учиться! Лозунги такого рода не висели на площадях больших городов – каждый сознательный гражданин действительно знал их наизусть и прекрасно сознавал правоту этого высказывания.

Первокурсников на фронт идти не агитировали, хотя девушек – но только после третьего курса – брали как телефонисток, переводчиц, и для обучения азам этих профессий проходили даже специальные курсы. Университет и вправду помогал воюющим чем мог – в 41-м состоялся экстренный выпуск специалистов, которые, закончив обучение вместо положенных пяти лет за три с половиной года, отправились на передовую – использовать свои знания на благо страны. Когда ПГУ должен был оказать шефскую помощь заводу Дзержинского, первокурсники были в первых рядах. Девушки писали на фронт письма, посылали теплые вязаные вещи и подарки бойцам... и с нетерпением вслушивались в повестки с мест боевых действий, которые звучали по радио каждые несколько часов, жили в ожидании: когда все это кончится, когда будет поставлена долгожданная точка в этой войне?..

«Всем было тяжело, проблемы рождались из воздуха. Вот например, в девятом классе я заболела – и некому было лечь, все медицинские силы были брошены на помощь бойцам. Но мы уже пообщались к этим трудностям, как-то не особенно думали о них, не запоминали... вот то, что нагрузка у нас, студентов, была едва ли не больше все остальных, я помню. И тарелку супа с 200 граммами

хлеба дополнительно на вводе, – тоже... над нами была война, которая губила жизни и давила на плечи всем нам. И нечего сказать ей в защиту!»

Пермский университет навсегда вошел в жизнь Риты. Именно с ним связан в ее памяти день Великой Победы над фашистской Германией: студентки-одноручницы уже понимали, что война заканчивается. 9 мая третьекурсница Рита с подругами отмечали великий день, как могли, в аудитории 2 корпуса (кажется, 514), а всеобщее ликование – правда, действительно «со слезами на глазах» – вылилось на улицы города.

«В тот день один из преподавателей произнес для нас, студентов, очень памятную речь, в которой сказал, что теперь надо еще более прилежно учиться и отдавать все силы ослабленной стране, чтобы она вскоре вновь превратилась в могучую державу... говорят, тогда был большой праздник возле дворца Свердлова, – но уж больно далеко от меня! Впрочем, радости хватало на каждой улице. В том числе и на моей!»

...Сейчас Маргарита Александровна Ганина в память о тех днях имеет медаль «За самоотверженный труд в годы войны», медаль в честь пятидесятилетия победы и «Ветеран труда». Бережно хранит – наравне с воспоминаниями. А 9 мая стал с 45-го года и ее праздником – ведь в море труда, вложенного в достижение триумфального завершения войны, есть и ее капля.

Держу в руках фотографию тех лет – один (!) молодой человек и десяток круглолицых девушек чуть улыбаются мне с черно-белого фотоснимка. Все они в легких платьицах, с немного задумчивыми лицами – ... как будто и не было той

Студенты 41-го года

Мы – земля, мы – трава,
мы – глаза незабудок и льна,
В чистом поле березы над нами,
как сестры, нагнулись...
На суровую практику нас послышала война,
Мы с войны до сих пор не вернулись.
Мы – в дождях, мы – в слезах
материнских заплаканных глаз,
Мы – простой обелиск,
что над братской могилою замер.
Но мы просим:
считайте поныне студентами нас,
Мы сдавали России
последний нелегкий экзамен!
Пусть останется в памяти каждый
и весел, и юн,
Как в то время, когда
из студенческих песен и сессий
Вырвал нас навсегда этот год 41-й,
июнь,
И поставил пред выбором новых,
военных профессий.
Ваша юность – другая.
И в песнях другие слова.
И меж нами иные не видят
ни капельки схождения.
Но мы в жизнь вашу входим
по честному праву родства.
Или, если хотите,
по строгим правам первородства.
Ах, какие дожди над осенней Россией
опять!
Тихо падают капли
с ветвей наклоненной березы.
Словно плачет над нами Россия,
как старая мать, –
Сколько лет все не выплечет
те материнские слезы...

Владимир РАДКЕВИЧ

войны, как будто не работали они по 16 часов в сутки – просто нет в их лицах гордости и пафоса перед правнуками, а есть тихое счастье...
А та, что запечатлелась на фотографии двадцатилетней Ритой Лаптевой – ныне Маргарита Александровна Ганина – сидит напротив и улыбается мне: «Надо просто удивляться, что мы не только выжили, а еще что-то сумели сделать!..»

Алена УСАЧЕВА,
филфак, 2 курс

“Голос Левитана вселял уверенность”

1941 г. – начало войны, страшное и жестокое время. Перед самой войной жизнь как-то стабилизировалась, появились продукты и промтовары на прилавках магазинов, народ повеселел и появился лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселее». И тут грянула война. Сразу из продажи в магазинах исчезли соль, спички, сахар, появились очереди за хлебом. Но каждый чувствовал, что надо собраться и понять, что сейчас все для фронта, все для победы. Люди собирались возле репродукторов и слушали Левитана, его голос вселял уверенность в победе с врагом: «Враг будет разбит – победа будет за нами».

Кунгурская школа № 1, в которой я училась, была занята под госпиталь, и мы учились в частном двухэтажном деревянном доме в три смены. В свободное от занятий время старались помочь раненым: читали газеты, писали письма под диктовку. Устраивая наши детские концерты, мы пели, танцевали, читали стихи – старались, как могли и что могли. Летом работали в кол-

хозе: пололи и убрали овощи, собирали колоски зерновых и т.д.

В 1943 г. военный склад, на котором служил отец, стал приближаться к фронту. Офицерам разрешалось взять с собой членов семьи, поэтому мы все вместе двинулись в сторону Прибалтики.

Самое ужасное впечатление осталось от деревень, когда мы подъезжали к Москве. Многие маленькие города и деревни полностью были сожжены, торчали только трубы, люди жили в землянках. Когда они подходили к эшелону, мы, чем могли, тем им и помогали (продуктами, одеждой).

Конечным пунктом военного склада был город Даугавпилс (Двинск). Город был тоже разрушен, стены стояли с пустыми глазницами. Нас разместили по квартирам, которые были брошены латышами, ушедшими на Запад. Рига еще была занята немцами, и на Даугавпилс налетали немецкие самолеты-бомбардировщики.

Скоро наши войска освободили Латвию. И вот наступил праздник 9-ое мая, день Победы. В этот

день вспоминались слова И. Сталина, что «и на нашей улице будет праздник».

Было три часа ночи 9-го мая. Вдруг по нашему городу началась стрельба, радостные крики. Весь город проснулся и уже больше никто не мог сидеть дома, все выходило на улицу: кто-то смеялся, кто-то плакал, целовались. В этот день мне исполнилось 14 лет.

Люди быстро забывают плохое и начинают привыкать к хорошему. И мы, школьники, стали принимать участие в общей жизни: разбирали развалины, сажали цветы на газонах, чистили улицы и т.д. Но отголоски войны еще оставались. На территории Латвии орудовала банда Ульманиса, которая старалась ввести дезорганизацию в мирную жизнь: убивали наших солдат «из-за угла», терроризировали граждан России, живущих на территории Латвии и т.д.

Но ростки новой жизни пробивались. И вот мы, танцевальный ансамбль г. Даугавпилса, поехали на смотр самодеятельных коллективов (1946 г.) в г. Ригу и танцевали

на сцене Рижского театра оперы и балета.

В гимназии (с 12-летним обучением) я училась вместе с Ниной Ургант (сидели за одной партией). Она уже тогда все стремилась в артистки, так и сложилась ее судьба. Она поступила после окончания школы в театральное училище Ленинграда.

В 1948 г. мы с семьей возвращаемся в г. Пермь, где с 1949 г. я начала учиться на физико-математическом факультете ПГУ. Здесь я окончила аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, заведовала кафедрой математического анализа. Вся активная часть жизни посвящена математике, обучению студентов (48 лет преподавательского стажа).

Р.А. РЕККА,
доцент кафедры
математического
анализа

Я помню в детстве голос Левитана
В тот самый первый день,
В последний час...
Когда, казалось, в воздухе витала
И обнимала каждого из нас
Победа,
Вдаль простертая, как знамя.
Он смог то слово
Так произнести,
Чтоб и навеки оставалось с нами
На дне его сокрытое «прости»,
Чтоб в голосе уральского металла,
Звеневшим тою сталью листовой
Армия Рыбалко грохотала
Танками по пражской мостовой.
И в дальнем громе отозвалось тихо:
– Толбухин, Рокоссовский, Баграмян...
И колокол –
Гастелло, Талалихин –
Крыло в крыло идущих на таран...
И диктор всем казался великаном!
Он был обыкновенный человек,
И, говорят, стеснялся телекамер.
С годами его голос чуть померк.
Он по привычке поднимался рано,
Впрыгался в круглосуточный «Маяк»...
И сын мой сыну своему
Да скажет так:
Я помню в детстве
Голос Левитана.

Семен ВАКСМАН

А прошлое ясней, ясней, ясней

ших командиров, он бросил крылатую фразу: «Армией командую я и командир отделения». Командиры отделений все 24 часа проводят с солдатами: спят, едят, занимаются физподготовкой, учат преодолевать полосу препятствий, владеть оружием, рыть окопы и беречь голову в наступлении и всюду должны быть первыми – в учении и в походе. «Учить надо не рассказом, а показом», – записано в воинском наставлении. В учебном полку главная единица – рота, около 160 солдат и сержантов. Важной персоной в роте был старшина. Он ведал всем

хозяйством, снабжением и распорядком дня. Хороший старшина и кормилец, и поилец, и судья солдат в отсутствие офицеров. Одним словом – фигура. В те годы был популярен такой анекдот.

Страшнее кошки зверя нет

Полночь. В большой ротной землянке спят крепким сном. Старшина роты почитает отдельно в своей каптерке около входа. Дежурный сержант и один дневальный бодрствуют в середине землянки, около стоек с оружием. Другой дневальный, молодой солдат – у входа на вахте. Он присел на табурет, облокотился на ладонь и задремал. Вдруг дверь распахивается, входят командир полка и его адъютант – проверка! Увидев спящего дневального, полковник в гневе начал распекать его. Тот в ужасе: «Тише, товарищ полковник, неровен час, разбудим старшину – обоим упадет!»

Учебный полк жил по жестким законам военного времени. Дисциплина была очень высокой. Всякое подобие «дедовщины» немедленно пресекалось. Работала внутренняя контрразведка, военный трибунал и случалось, провинившихся направляли в штрафной батальон. Вместе с тем в армейской жизни было много интересного, порой забавного, а иногда и грустного. В памяти сохранилось несколько эпизодов «полусмешных, полупечальных». Вот некоторые из них.

Тоже мне донжуаны!

«Сержант Галочкин, младший сержант Матвеев к командиру роты!» Ротный был озабочен: «Ребята, в 15.00 в клубе дивизии состоится совещание партийно-комсомольского актива, и наши представители должны быть там. Галочкин – ты парторг роты, и никаких «но» (Галочкин недавно стал лишь кандидатом в члены партии). Борис – ты комсорг роты. Быстро переодеться и бегом туда. Обязательно зарегистрируетесь». Через пять минут мы уже спешно шагали к клубу.

Июль. Жара. Под ногами расплывается песок. Наша учебно-запасная дивизия располагалась на левом пологом берегу Оки, примерно в 60 км ниже Рязани. Это были знаменитые Селецкие лагеря (по названию деревни Сельцы), где раньше формировалась польская дивизия Костюшко. Совещание проходило на открытом воздухе в летнем клубе. Начальство заседало на сцене в раковине для оркестра. Доклады читали по бумажке, сильно клонило ко сну. Солнце нещадно палило наши стриженные головы, одолевали мухи.

Наконец мука кончилась. Когда вышли, Галочкин предложил искупаться. Мы надели пилотки и, сунув инструкции за голенище, ринулись вниз к реке. Немного настораживала безлюдность берега. По пути, примерно в 50 м от нас на пригорке сидели трое по пояс раздетых и упитан-

ных мужиков. Мы проскочили мимо, быстро разделлись и нырнули в воду. Только вынырнули, услышали зычный командирский голос: «Солдаты, ко мне!» Один из них встал, мы обомлели – лампы! Галочкин шепнул: «Бежим!» Мигом завернув сапоги и одежду в белье, голышом бросились бежать вдоль кромки реки через крапиву и заросли ивняка. Мы мчались так стремительно, что не слышали треска кустов под ногами. Через некоторое время опомнились: погони не было. Наше белье было разорвано в клочья, и его пришлось зарыть в песок, а на нас не только не одной царапины, но и ожогов крапивы нет. Быстро одевшись, мы бережно завернули инструкции в портянки и нарочито бодрым шагом направились в расположение роты.

«Ну, как?» – спросил ротный. До войны он был учителем истории, пообтерся на всяких совещаниях и знал, что к чему. Мы доложили, но никак не могли унять внутреннего нервного клочкотания. Евгений Иванович отвел нас в сторону и, оглянувшись, потребовал: «Выкладывайте!» Выслушав, он побледнел и, сдвинув фуражку на затылок (его характерный жест), выразительно показал нам кулак. «Никому ни слова!» – процедил он тихо. Хороший человек был наш батя, лейтенант Лапшинов. А инструкции велел изучить.

По распоряжению командира роты старшина выдал нам новое белье, ухмыльнувшись при этом: «Тоже мне донжуаны!»

Ремесло на воротах не висит

Меня вызвал командир роты. – Борис, в твоей солдатской книжке указана гражданская специальность «слесарь». Это что, правда?

– Так точно, товарищ лейтенант. Я учился в ремесленном училище, проходил практику на заводе, ткацкой фабрике и в тракторной бригаде.

– Когда это ты успел... Тебя как слесаря требуют в штаб полка.

Адъютант штаба моему приходу обрадовался. Приближался сентябрь и надо было срочно отремонтировать отопительную систему в двухэтажном доме штаба. Он провел меня по всем комнатам, показал все трубы, батареи и котельную, размещенную в подвале. Конечно, мальчишкой я видел, как это делают, но сам никогда не занимался ремонтом труб. «На службу не навязывайся, а от службы не отказывайся». Да и отказываться было поздно. Я попросил найти мне помощника с опытом слесаря-водопроводчика. Вскоре пришел пожилой солдат, лет за 40, примерно ровесник моему отцу, и представился: «Василий». Теперь уже я как старший показал ему всю систему отопления и под конец признался, что мне никогда не приходилось заниматься подобной работой. Он неторопливо закурил сигарку и сказал: «Штука нехитрая. Ты резьбу нарежь сможешь? Ну, и ладно. Мы здесь недельки три и подкормимся».

Дядя Вася оказался отменным знатоком своего дела и охотно делился со мной опытом, рассказывал о стояках, лежах, сгонах, безошибочно находил места, где накапливается ржавчина и образуются пробки. Под навесом мы установили тиски, и я с утра до вечера пилил, нарезал резьбу, промывал батареи и помогал устанавливать их на место. Питались мы в офицерской столовой вместе с поварами и подсобными рабочими. Когда все было готово, систему снова промыли и сделали пробный прогрев. Мне пришлось поработать истопником. Все работало нормально, и я доложил об этом адъютанту полка. Он дотошно все проверил и поблагодарил нас за хорошую работу.

Грустно было расставаться с дяде Васей, у которого я многому научился и успел подружиться с ним. Армейские будни снова закрутили меня. С утра зарядка, бег до 5 км или лыжи вместе с солдатами, физическая подготовка, полоса препятствий, тактические учения в поле, учебные стрельбы, вечером чистка оружия, и так от подъема до отбоя. И вот однажды я увидел его около столовой, осунувшегося, постаревшего: «Сыночек мой погиб». Я обнял его, к горлу подкатил комок. Слова утешения были лишними. Он раскурил свою неизменную сигарку, и мы попрощались.

Наступила зима. Во время очередного утреннего построения командир роты прочитал приказ по полку. Мне была объявлена благодарность «за образцовое выполнение специального задания командования».

Дорожный случай

После сопровождения воинского груза я оказался в г. Владимире. Мне надо было срочно вернуться в свою часть. Военный комендант, к которому я обратился за билетом до Москвы, отрезал: «Билетов нет и не будет. Добирайся самостоятельно». Закинув автомат на плечо, я отправился на перрон. Подошел поезд Горький-Москва. Все проводники – пожилые мужчины. Они бдительно охраняли входы. Дождавшись, когда один из них отвернулся, я вспрыгнул в тамбур и вошел в плацкартный вагон. В одном из переполненных купе сидели трое: инвалид без ноги в нижней рубашке, рядом с ним молодой лейтенант-летчик и напротив – лейтенант-моряк. Они играли в домино и, увидев меня, обрадовались: «Иди к нам, артиллерист, будешь четвертым» (бронебойщики имели символика артиллеристов).

Инвалид по-хозяйски взял из моих рук автомат, уверенно и ловко снял диск с патронами и отдал его мне, затем открыл и закрыл затвор, щелкнул для контроля и, поставив его к себе за спиной, сказал: «Теперь порядок, садись пить чай». Мои попутчики возвращались из госпиталя и были навеселе. Чай оказался разбавленным спиртом. Летчик еле ворочал языком, а моряк его разыгрывал: «Может быть, ты технар? На вашем аэродроме и самолетов-то нет». «Есть... Один – мой», – неизменно отвечал летчик. Наконец он совсем опьянел, и мы помогли ему взобраться на третью багажную полку. Вторые были заняты. Мы вяло продолжали выстраивать длинный ряд фишек... Вдруг на столик с грохотом шлепнулся пистолет, и фишки брызнули в разные стороны. Через мгновение на наши головы свалился летчик и бессвязно залепетал: «Что? Где? Как?» Хмель с него слетел. Он схватил пистолет и засунул его за пояс. Все произошло так молниеносно, что моряк весело рассмеялся. Инвалид молча посмотрел на летчика, потом перевел взгляд на меня. Играть больше не хотелось.

Когда поезд подъезжал к Москве, все посерьезнели и помрачнели. Инвалид пристегнул протез, надел китель подполковника с орденами и тремя нашивками за ранение: две красные, одна желтая. На фронте он был с начала войны. «Давайте простимся, а то меня будут встречать, лить слезы, – он по-отечески обнял меня и тихо сказал: – Удачи тебе и не дай Бог оказаться там».

На перроне я увидел его в окружении близких. Мне стало грустно и одиноко. Война еще продолжалась.

Б.К. МАТВЕЕВ,
профессор
кафедры геофизики

Молодые солдаты

Клятву выполнив свято,
годы, годы подряд
Молодые солдаты
в чистом поле лежат.
Смолкнул танковый скрежет,
и вокруг тишина.
А для них, как и прежде,
попыхает война.
И солдаты остались
в этой огненной мгле,
Навсегда окопались в родимой земле...
Встаньте,
Гляньте же снова на простор голубой!
Ведь Победа давно вам
протрубила отбой.
Бродит брага в бочонках,
набухает зерно.
Дома в отчей сторонке
ждет вас хлеб и вино.
Ждет осенняя пажить,
кузня в дальнем селе.
Но свинцовая тяжесть
придавила к земле.
...Журавлиные стаи
да небес синева.
Из костей прорастает
молодая трава,
И в ржаной позолоте,
и в пыльце полевой –
Вы встаете,
встаете
для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
вы с землею смогли! –
Сами стали частичей
нашей русской земли...

Владимир РАДКЕВИЧ

Детство, опаленное войной

Е.Л. Тарунин

Когда началась война, мне было 4 года, жили в Молотове, на улице Энгельса, 15.

Отец сразу ушел на фронт. Помню мамино брата, учившего меня храбрости, для чего заставлял прыгать со шкафа. После окончания танкового училища мамин брат был направлен на фронт и погиб в первом же бою.

Помню напряженные лица взрослых, когда слушали голос Левитана, особенно сводки о сдаче немцам городов.

В 1941 г. в Молотов были эвакуированы жители из блокадного Ленинграда, с нами жили ленинградцы. С маленьким мальчиком из этой семьи пел песню «По долинам и по взгорьям...», когда родители закрывали нас одних дома, уходя на работу.

Детьми играли в войну, сами мастерили оружие. Серьезный спор, до драки, возник из-за проблемы «кто будет наш – кто не будет наш».

В 1944 г. пошел в 1 класс. В школе ученикам выдавали на завтрак кусочек хлеба, посыпанный сахарным песком.

Помню, после уроков школьники прилепались к различным работам. Мы пасли коров.

В 1945 г. окончил 1 класс на «отлично».

Е.Л. Тарунин – профессор кафедры прикладной математики и информатики

М.Г. Гордеева

Когда началась война, мне исполнилось 8 лет. Отец сразу же был призван в армию, служил артиллеристом, защищая блокадный Ленинград, раненый и контуженный вернулся домой.

Во время войны жили на лесоучастках Коми-Пермяцкого округа. На семью из шести человек (из них четверо детей) на день выдавали пол-буханки черного, сырого, тяжелого, как кирпич, хлеба. Помню, что все время хотелось есть. Постоянно думала о том, когда же досыта поем хлеба. В столовой по талонам давали суп из крапивы и кисель из рябины без сахара.

В 1941 г. пошла в 1 класс. Школа размещалась в деревенской избе, где один учитель вел уроки одновременно в трех классах (1, 2, 3). На весь класс был один учебник. Писали на страницах старых книг и газет. Карандаш делили на несколько частей. Чернила делали из сажи, которую разводили водой. Счетные палочки мастерили из стеблей малины или березового венника.

Помню, иногда к праздникам, чтобы как-то сгладить невзгоды военного детства, родители учеников сообщали что-нибудь готовили. У меня-то мамы не было, поэтому такие дни были настоящими праздниками.

М.Г. Гордеева – техник ВЦ-ЦНТО

С.Я. Гусман

Когда началась война, мне было 4 года. Помню, в Киеве вместе с родителями прятался в подвале, который назывался «бомбоубежище», где всегда было темно, так как на лампу накаливали черную тряпку.

Из Киева эвакуировались в сторону Сталинграда, потом плыли по реке до Молотова, наконец, приехали в Кизел – маленький шахтерский городок, куда вместе с нами прибыли шахтеры Донбасса.

С едой было трудно. Хлеба не доставало. Спасали крапива и щавель, которые я собирал сам. Картошку сажали прямо в цветочные гazonы около дома. В 1943 г. появились американские консервы.

С.Я. Гусман – доцент кафедры прикладной математики и информатики

Л.Л. Савченко

Когда началась война, мне исполнилось 2 года (на фото).

Очень хорошо помню, как дед сидел с наушниками у приемника – слушал последние известия (в то время для меня было не понятно, почему их каждый день называют «последними») и мне не разрешалось шуметь.

Л.Л. Савченко – доцент кафедры прикладной математики и информатики (сейчас на пенсии)

Воспоминания о военном детстве взяты из альбома, который оформили на механико-математическом факультете.

Великая сила памяти

Прежде чем приступить к написанию задуманного очерка, я прочла множество материалов о войне, людях, принимавших участие в военных событиях, о так называемых свидетелях войны – детях. Казалось, я была готова к предстоящей работе, но личная встреча с человеком, детство которого неразрывно связано с вершиной безумия, жестокости Ното Sapiens – войной, застала меня врасплох. Первоначальные варианты – взять интервью, написать просто очерк или житейскую историю растворились. Мне захотелось передать весь спектр человеческих эмоций, всю душевную боль бывшей 13-летней девочки. Но, как это сделать? Какой журналистский жанр поможет решить возникшие проблемы?

Как-то, само собой переживания пожилой женщины, ее воспоминания вызвали у меня желание проанализировать общий жизненный отрезок времени, характеризующиеся относительно одинаковым психологическим и физическим состоянием индивидуума – подростковый возраст. Тринадцать лет – я и она. Ответ на вопрос о самом страшном событии в жизни собеседницы – это война и голод, в моей душе, ассоциировался, с отрицательными переживаниями, связанными с визитом к стоматологу. Мне стало некомфортно от неуместности собственных ассоциаций. Я почувствовала глобальность, масштабность событий военного детства. Гибель отца, старшего брата, сумасшествие младшего брата, (результат участия в Сталинградской битве), картофельные очистки, соль вместо пищи – все это не просто страшно. Слезы, тихое повествование о пережитом наполняли комнату образами любимых и родных людей для сидящего передо мной человека, девочки-подростка, утром идущей в школу, затем на работу. Делать... гробы! Позднее – на кислотный завод. Там ребенок стал свидетелем гибели рабочего, упавшего в котел с концентрированной серной кислотой. Острота восприятия рассказанного Марией Ивановной была настолько велика, что я едва сдерживала слезы. На вопрос: кто помогал Вам выжить? – последовал ответ: «Все. Все помогали друг другу, чем могли. Все были вместе. Война – это общее горе! ... Мы все работали, не думали о

деньгах. Очень берегли хлебные карточки. Хлеб всему голова! Обувь на двоих – на меня и маму! Но на это даже не обращали внимания...» После небольшой паузы Мария Ивановна продолжила: «Очень ждали писем с фронта. Боялись страшных треугольников, которые извещали о гибели родных и близких».

Меня заинтересовало мнение Марии Ивановны о пресловутом приказе № 227, согласно которому расстреливали каждого, кто отступал. Моя собеседница уверенно отрицала существование такого приказа. «Не могут расстреливать свои друг друга. Ведь мы были одной семьей! Все безгранично любили Родину, не думали о себе. А думали о том, как победить и помочь фронту!»

Разговор затих. Говорят, время лечит! Не знаю! Я так не думаю! Как свежа память о войне у людей давно переживших трагедию, более полувека назад! Эта память заставляет задуматься всех живущих на земле, кто соприкоснулся с ней! Я очень благодарна за этот жизненный урок!

Мои размышления были прерваны предложением Марии Ивановны отужинать «чем Бог послал». Я достала сладости, купленные до встречи, и разговор возобновился. Передо мной сидела не женщина в возрасте, а худенькая 13-летняя девчонка безумно любившая свою маму, жизнь, полная энергии, сил. Не было сокрушительных старческих жалоб на то, что жизнь прошла! Глаза заблестели при разговоре о жизненных ценностях. «Учиться, учиться – вот о чем мы мечтали и мечтаю, – проговорила она скороговоркой. – Вот ценность в жизни. Знать обо всем на свете! Знание – это сила, уверенность в себе, хорошие, умные, верные друзья!» Немного подумав, добавила: «А еще жизненная ценность – это сама жизнь, люди, окружающие тебя!» Я задумалась. На память пришли слова, сказанные матерью Терезой: «Жизнь – это счастье, сотворите его. Жизнь – это богатство – дорожите им. Жизнь – это любовь, наслаждайтесь ей. Жизнь – это вызов, примите его. Жизнь – это жизнь, боритесь за нее!!!». Вот она, человеческая мудрость, вложенная в двух совершенно разных, с разными судьбами женщинах! Я почувствовала единение человечес-

ких душ, жизнью, судеб. Мария Ивановна продолжала: «Подруг у меня много, конечно, кого-то уже нет. Но мы часто видимся, дорожим каждой встречей, вспоминаем обо всем. Война – это часть наших жизней. Пусть детства, но мы помним все. Не можем забыть! Это выше наших возможностей, сознания!» Вновь наступила пауза. Я огляделась вокруг. Уютная, чисто прибранная комната. Порядок, казалось, был повсюду, в квартире, в душе, в мыслях. Мой следующий вопрос чуть не нарушил гармонию. «Говорят, что во время войны и после люди очень много пили вина?» – спросила я. Мария Ивановна укоризненно посмотрела на меня: «Пили? Да ты что? Когда было пить? Мы не успевали спать, все работали и работали. Восстанавливали разрушенную страну, свою жизнь, – затем добавила: – Это сейчас пьют. На улице, в подъездах, в автобусах, даже, если ведут за ручку своего ребенка или везут коляску. А сквернословия вокруг сколько?» Я задумалась. Сколько сейчас возможностей! Как прекрасно мирное время! А люди заполняют свою жизнь вином, наркотиками и другим дурманом. Крепко выражаются, считают, что самые крутые, самые значительные! Смешно! Эта хрупкая женщина сильнее, всех их вместе взятых, со своей мудростью, памятью, неиссякаемым жизненным источником энергии, любовью ко всему живому на земле.

Школьное задание вдруг разрушило что-то внутри меня, заставило изменить отношение к истории страны, войне, старшему поколению, жизни, родному городу. Размышления прервала гостеприимная хозяйка. «В войну в Перми были. Никуда не уезжали. Люблю этот город», – сказала Мария Ивановна.

Да, память – это сила, связывающая, объединяющая поколения, человечество, мир в единое целое, в одну общую человеческую семью!

Отправляя рассказ по «электронке», я поняла, что многие конкурсанты задумаются над итогами своего домашнего задания. Конкурс творческих школьных работ о войне – это еще один шаг к общему единению! На душе становится радостно, спокойно! Ведь мы все одна семья! Вот она какая, сила памяти!

Ольга БАРТЕВА

29-30 апреля в Пермском университете проходил второй (заключительный) тур олимпиады по журналистике, победителями которой стали учащиеся лица № 2: Юлия Тишина (1 место), Анна Урасова (2 место), Вера Дробинина (3 место). В олимпиаде приняли участие школьники Перми, Березников, Кунгура, пос. Елово. На первом этапе участники должны были представить в жюри творческие работы на тему «Наша память о войне». Авторы 30 лучших работ были приглашены для участия во втором (очном) туре олимпиады. Среди них – ученица 10 а класса школы № 30 Ольга Бартева, очерк которой заслужил высокую оценку жюри.

Баллада о банке варенья

Зачем ты, война,
у мальчишек их детство украла –
И синее небо, и запах простого цветка?
Пришли на заводы работать
мальчишки Урала,
Подставили ящики, чтобы достать
до станка.
И вот неподкупной зимою военного года,
Когда занимался над Камой
холодный рассвет,
Собрал самых лучших рабочих
директор завода,
А было рабочим –
всего по четырнадцать лет.
В усталые лица глядело суровое время,
Но каждый в себе
довоенное детство нашел,
Как только рабочую премию –
банку варенья –
Перед ними, мальчишками,
кто-то поставил на стол.
И вот над заводом,
над лесом, в снегу задремавшим,
Среди подступившей внезапно к сердцам
тишины,
Повеяло чем-то давно позабытым,
домашним,
Как будто бы не было больше на свете
войны.
...Ах, банка варенья,
простое и верное средство
Напомнить о том,
что, как жизнь у людей ни горька,
Но будет еще у мальчишек
и солнце, и детство,
И синее небо, и запах простого цветка!

Владимир РАДКЕВИЧ

Все сказано... Но боль не проходит

Недавно Ольга Ивановна Богословская, доцент кафедры русского языка и стилистики, получила нагрудный знак "Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации". Так сложилось, что моя с ней встреча состоялась именно 20 апреля, когда ее поздравляли коллеги. Еще стоя у дверей кафедры русского языка и стилистики, можно было видеть, как туда то и дело заходят улыбающиеся преподаватели с цветами.

Для Ольги Ивановны университет больше, чем просто работа, она называет его своим "вторым домом". Многие ее родственники так или иначе имели отношение к университету: дед, братья, муж.

Ольга Ивановна Богословская на просьбу рассказать о войне с грустной улыбкой отвечает, что все уже сказано, обо всем уже написано. Для нее эти воспоминания – боль. Плохое при-

нято забывать. Но война совсем другое дело. Для нас такие воспоминания – шанс избежать войны. Поэтому ее история будет вспоминаться снова и снова.

Когда началась война, Ольга Ивановна была еще школьницей, училась в восьмом классе. На следующий день после начала войны в здании ее родной школы № 37 разместился госпиталь. Некоторое время ребята учились в третью смену, а с восьми утра работали на заводе. "Был такой очень важный момент, когда заводу нужна была помощь в выполнении плана, и на время пригласили школьников", – вспоминает Ольга Ивановна. А летом, после восьмого класса, она работала в госпитале в лаборатории профессора Модестова, где изготавливали для фронта антисептические пакеты.

На фронт ушли шесть братьев Ольги Ивановны. Вернулись не все. Без вести пропал старший брат, узнать о нем удалось толь-

ко по телевизору, по документальным кадрам из фильма "Противостояние". В титрах, среди множества имен солдат, погибших на германской земле, семья увидела имя "Богословский Г.С.". Война отобрала жизнь, но не смогла отнять память...

Заканчивать учебу пришлось экстерном. В те годы в университете были созданы первые подготовительные курсы. Они были рассчитаны на тех, кто пришел с фронта. Таких как она, школьников было всего три-четыре человека. Курсы длились недолго: с 1 февраля по 1 мая были пройдены ускоренные программы всех дисциплин. После сдачи экзаменов слушатели были зачислены студентами университета.

Муж Ольги Ивановны прошел Великую Отечественную войну, дошел до Берлина. После войны он посвятил свою жизнь науке, был специалистом в области географии. В Пермском университете работал недолго. Он рано

ушел из жизни, подорвав здоровье на фронте. Когда Ивану Георгиевичу исполнилось 40 лет, его не стало. "В письменном столе осталась почти готовая докторская диссертация," – вспоминает Ольга Ивановна.

Сегодня Ольга Ивановна преподает студентам в университете. Всегда рада помочь, пойти навстречу. У нее удивительная способность деликатно сделать замечание: "Голубчик, Вы не правы!" – говорит она. Сколько ей пришлось пережить! Годы войны сделали ее мужественным и сильным человеком, но не ожесточили ее сердце. "Добрейшей души человек!" – говорят о ней преподаватели и ученики.

Ольга Ивановна, поздравляем Вас с вручением награды "Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации"! Спасибо Вам за Вашу доброту и понимание!

Ирина ПЕЛЯВИНА,
филфак 2 к.

Вдовий дом

В этом старом вдовьем доме все не так.
Даже гвозди в стены вбиты кое-как.
Не успели дом отстроить мужики.
Отражать ушли фашистские полки.
В этом старом вдовьем доме чистота.
Плачь не плачь, а подступает пустота.
Плачь не плачь, а не вернуть мужей с войны.
В этом доме фотографий три стены.
Этот старый, этот страшный вдовий дом!
В сорок пятом пол-России жило в нем.

Подготовил
Л.Д. СЕТОВ,
учебный мастер

Эстафета на приз газеты «Пермский университет». 5 мая 2005 г.

В четверг 5 мая на территории университета необычное оживление. Яркие костюмы, громкая музыка, веселые лица. Это проходит эстафета на приз газеты «Пермский университет», уже 57 раз.

Нынешней особенностью является то, что эстафета, как и большинство мероприятий этого года, посвящена 60-летию Великой Победы. Поэтому на церемонии открытия присутствовал участник войны, ветеран кафедры физической культуры и спорта ПГУ Виктор Александрович Романов. А еще состоялись показательно-соревновательные выступления курсантов военной кафедры – по разборке-сборке автоматов, облачению в защитный костюм.

Все время, пока шла эстафета, в университете царил дух раскованности, радости, всеобщего единения. Поистине эстафета на приз газеты «Пермский университет» – это самый массовый, самый зрелищный праздник вуза!

Победителями стали:

Сборные учебных групп:
мужские
геолог. ф-т (№ 91)

женские
филолог. ф-т (№ 122)

смешанные
юр. ф-т (№ 36)

сборные команды факультетов:
мужские
географ. ф-т (№ 172)

женские
географ. ф-т (№ 153)

смешанные
биолог. ф-т (№ 111)

в общем зачете:
1 место – ФСФ,
2 место –
юридический ф-т,
3 место –
экономический ф-т.
Поздравляем победителей и огромное СПАСИБО всем участникам и болельщикам!

ПЕРМСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Учредитель –
ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Рег. №2 в Дзерж. РИК г.Перми

614990, Пермь, ул.Букирева, 15
☎ 396-598, fax 396-242
e-mail: newspaper@psu.ru
URL: http://www.psu.ru/pu/index.html

Газета отпечатана в Издательско-полиграфическом комплексе «Звезда». Пермь, ул. Дружбы, 34. Заказ № 1571.

Редактор – Татьяна АБАСОВА

Тираж 999 экз.